

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Дзейтова Разия Башировна
Основание индивидуальной уголовной ответственности за
преступление агрессии

Специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Филиппов Павел Александрович,*
доктор юридических наук
- Официальные оппоненты** – *Наумов Анатолий Валентинович,*
доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ
ВО «Университет прокуратуры Российской
Федерации», Научно-исследовательский
институт, отдел научного обеспечения
прокурорского надзора и укрепления
законности в сфере уголовно-правового
регулирувания, исполнения уголовных
наказаний и иных мер уголовно-правового
характера, главный научный сотрудник;
- Кибальник Алексей Григорьевич,*
доктор юридических наук, профессор
Ставропольский филиал ФГКОУ ВО
«Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
кафедра уголовного права и криминологии,
профессор;
- Лобач Дмитрий Владимирович,*
кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный юридический институт
(филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»,
кафедра теории и истории государства и
права, доцент.

Защита диссертаций состоится «21» мая 2024 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/2993>.

Автореферат разослан «__» апреля 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

В.В. Степанов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Агрессивные действия государств сопровождали человечество практически с момента его возникновения, однако с течением времени их характер и масштабность, количество и оснащенность участников, способы ведения боевых действий и виды применяемого оружия, значимость и последствия военных конфликтов для мирового сообщества существенно менялись. В современном мире военная агрессия рассматривается в качестве одного из наиболее тяжких преступлений, преследуемых как по международному праву, так и по национальному праву многих государств, что, тем не менее, не способствует полному прекращению войн и иных вооруженных конфликтов. Напротив, мировое развитие, согласно действующей Военной доктрине Российской Федерации, характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, приводящим к региональным конфликтам, которые разрешаются преимущественно силовым путем¹.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (ООН) в 1992-1996 гг. Б.Б. Гали отмечал, что с момента создания Организации и до 1992 г. имели место более 100 крупных конфликтов, повлекших смерть около 20 млн. человек². Нынешний Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в докладе о приоритетах Генерального секретаря на 2022 г. перечислил военные конфликты, происходящие на данный момент на территории ряда государств, среди которых: Афганистан, Колумбия, Эфиопия, Израиль, Палестина, Ливия,

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2014 г. № Пр-2976 «О Военной доктрине Российской Федерации». П. 9-10 // СПС КонсультантПлюс.

² Доклад Генерального секретаря на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. A/47/277. 02.06.1992. П. 14: URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/289/17/IMG/N9228917.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.01.2022).

Мали, Мьянма, Сирия, Судан, Украина и др.³, что явно свидетельствует о кризисе мироустройства⁴ и международных институций.

Кроме количественных критериев, определяющих размах межгосударственных и иных конфликтов в мире, следует иметь в виду меняющиеся качественные характеристики таких конфликтов, в частности, возникновение новых форм агрессии, в том числе применение кибернетических атак, а также новых участников военных столкновений – негосударственные вооруженные организованные группы.

Как справедливо отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, «повышается роль фактора силы в международных отношениях, в ряде стратегических важных регионов расширяется конфликтное пространство», и использование военной силы в нарушение международного права, а также стирание границ между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства увеличивают угрозу всеобщей безопасности и повышают вероятность эскалации таких конфликтов и их перерастания в локальную, региональную или глобальную войну⁵.

Установление правового запрета на ведение военных действий является одним из средств борьбы с угрозой миру и безопасности человечества и сдерживания военной агрессии. В связи с этим по окончании Второй мировой войны не только нормативно был закреплен запрет на применение силы (ст. 2(4) Устава ООН), но и началась разработка государствами, включая СССР, а впоследствии и Российскую Федерацию, понятий «акт агрессии» и «преступление агрессии».

Для целей международного права определение агрессии было сформулировано и закреплено в Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной

³ Secretary General's remarks to the General Assembly on his priorities for 2022: URL: <https://www.un.org/sg/en/node/261520> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации». П. 12 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. П. 11 // СПС КонсультантПлюс.

Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. (далее – Резолюция 1974 г.). Что касается преступления агрессии, то его понятие было разработано и включено в ст. 8бис Римского статута (далее также Статут) Международного уголовного суда (далее также МУС, Суд) в 2010 г., но только в 2017 г. Международный уголовный суд получил право устанавливать свою юрисдикцию применительно к данному преступлению. Таким образом, установление индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии не было одномоментным.

Дефиниция преступления агрессии не может быть признана совершенной и характеризуется: отсутствием четкого терминологического аппарата; сложностями при установлении субъекта преступления; большим числом оценочных признаков, содержание которых нормативно не определено; включением в правовую норму неактуальных форм агрессии, а также непризнанием негосударственных вооруженных организованных групп в качестве субъектов акта агрессии. Недостатки определения преступления агрессии и нерешенность ряда других правовых проблем приводят на практике к тому, что, несмотря на многочисленные акты агрессии, совершенные государственными или негосударственными субъектами, случаев привлечения к ответственности по международному уголовному праву за это преступление нет.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в главе 34 (Преступления против мира и безопасности человечества) также предусмотрел состав агрессии, признав уголовно наказуемыми планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353). Формально бланкетный характер диспозиции нормы об ответственности за указанное преступление и отсутствие в уголовном или каком-либо ином внутреннем нормативном правовом акте либо обязательном для Российской Федерации международно-правовом акте определения «агрессивной войны» создают трудности в толковании не только этого понятия, но и остальных признаков рассматриваемого состава преступления.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 353 УК РФ, описана аналогично преступлению против мира, предусмотренному в ст. 6(а) Устава Международного военного трибунала 1945 г. (далее также МВТ, Трибунал) и ст. 5а Устава Международного Трибунала по Дальнему Востоку (далее также МТДВ, Трибунал по Дальнему Востоку). При этом в российской литературе⁶ агрессивная война определяется через термин «акт агрессии государства», как это установлено в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. Вместе с тем «акт агрессии» и «агрессивная война» не являются равнозначными терминами, и в существующей формулировке уголовно-правовой нормы объем криминализации в российском уголовном законе уже, чем в международном уголовном праве.

Помимо указанной проблемы, связанной с терминологическим аппаратом, существуют также проблемы определения содержания действий, образующих объективную сторону планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ); установления круга субъектов этого преступления; разграничения со смежными составами преступлений.

Первое разработанное определение государства-агрессора, внесшее значительный вклад в дальнейшее развитие определения агрессии, как будет отмечено дальше, было предложено именно делегацией от СССР. Российская Федерация, принимала непосредственное участие в разработке определения преступления агрессии для целей международного уголовного права, в том числе при разработке Римского статута. Вместе с тем Россия из-за практики применения двойных стандартов ранее не являлась и в настоящее время не является государством-участником Римского статута. Кроме того, в условиях обострения международной обстановки, принимаемые МУС решения напрямую направлены на разрушение России как суверенного,

⁶ См., например: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. СПб., 2004. С. 133.

демократического и правового государства. Обеспечивая защиту от политически ангажированных решений суда, Российская Федерация вынуждена была в 2023 году ввести уголовную ответственность за оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284.3. УК РФ).

Тем не менее поскольку одним из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации является обеспечение верховенства права в международных отношениях, служащее одной из основ справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, и являющееся фактором снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития⁷. В связи с этим было бы не вполне обоснованным и рациональным игнорирование всего опыта разработки дефиниции преступления агрессии, накопленного начиная с Нюрнбергского трибунала до сегодняшних дней. Более того, с учетом вклада делегации от России в разработку Римского статута в целом и ст. 8бис в частности, не должны быть в стороне от всестороннего изучения положения доктрины, выработанные в процессе применения указанного статута.

Теоретические разработки оснований индивидуальной ответственности за преступление агрессии могут быть актуальны при становлении новой системы обеспечения международной безопасности как в рамках ООН, так и в проходящих становление новых межрегиональных межгосударственных объединениях и союзах (БРИКС, ОДКБ и других).

Несомненно, всестороннее изучение этих положений актуально для развития российской науки международного уголовного права, совершенствования нормы ст. 353 УК РФ, а также для толкования преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения

⁷ Концепция внешней политики. П. 20.

агрессивной войны, в правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов и судов.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о высокой актуальности темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. В юридической науке международно-правовым и уголовно-правовым аспектам вооруженных конфликтов и, в частности, преступления агрессии, а также ответственности за преступления против мира и безопасности человечества были посвящены работы таких правоведов, как: А.Х. Абашидзе, Р.А. Адельханян, А.А. Арямов, И.П. Блищенко, Г.И. Богуш, О.Н. Ведерникова, С.А. Грицаев, С.В. Глотова, Б.А. Дряев, Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.В. Каболов, А.Г. Кибальник, Н.И. Костенко, Н.Ф. Кузнецова, Д.В. Лобач, Н.М. Лямин, О.В. Малахова, К.Д. Николаев, В.Н. Русинова, И.Г. Соломоненко, П.П. Степанов, А.Н. Трайнин, Е.Н. Трикоз, Б.Р. Тузмухамедов, И.В. Фисенко и другие.

Среди зарубежных авторов проблемам международной агрессии и преступления агрессии свои труды посвятили: Д. Аканде, Ш. Бассиуни, Н. Вейсборд, Г. Верле, Й. Динштейн, М. Джиллет, А. Кассезе, Р. Кларк, К. Кресс, К. МакДугалл, С. Саяпин, Дж. Трэхан, Н. Хадждин, К. Хеллер и другие.

На диссертационном уровне проблемы ответственности за преступление агрессии и иные преступления против мира и безопасности человечества изучались в следующих исследованиях, защищенных по специальностям 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» и 12.00.10 «Международное право; европейское право»: В.В. Каболов Преступления против мира и безопасности человечества (Ростов-на-Дону, 2002); О.В. Малахова Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву (Ставрополь, 2003); Б.А. Дряев Агрессия в российском уголовном праве (М., 2007); Д.В. Лобач Преступления против мира: уголовно-правовое исследование (Саратов, 2013); Н.М. Лямин Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека (М., 2017); С.Г. Тимошков Агрессия как международное

преступление (М., 2017); П.П. Степанов Современные военные преступления: их причины и меры противодействия (М., 2018) и других.

Несмотря на ценные теоретические положения, полученные в результате проведенных исследований, проблема ответственности за преступление агрессии по российскому и международному уголовному праву, включающая и вопрос об основаниях индивидуальной ответственности участников преступления, остается недостаточно разработанной.

Так, О.В. Малахова в своем диссертационном исследовании последовательно излагает историю становления института уголовной ответственности за преступление агрессии и анализирует состав планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны. Однако в работе не уделено достаточного внимания соотношению понятий «агрессия» и «агрессивная война» и кругу субъектов преступления агрессии в российском и международном уголовном праве.

В рамках специальности 12.00.10 «Международное право; европейское право» вопрос ответственности за агрессию был рассмотрен С.Г. Тимошковым, который справедливо признает кибератаки, как современную форму совершения акта агрессии, перечисляет различные виды кибератак, отмечая их общественную опасность. Однако в работе не исследуются возможность и последствия включения положений о кибератаках в дефиницию преступления агрессии, а также соотношения кибератак и положений международного права о запрете применении силы.

Таким образом, степень научной разработанности темы, обозначенной в названии настоящего диссертационного исследования, нельзя признать достаточной. Поэтому в данной работе выдвигаются новые предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом норм международного уголовного права, содержащего положения о преступлении агрессии.

Объектом диссертационного исследования являются основания индивидуальной ответственности за преступление агрессии по российскому и

международному уголовному праву, проблемы регламентации данного преступления в международно-правовых актах и Уголовном кодексе Российской Федерации, значимость положений международного уголовного права о преступлении агрессии для совершенствования российского уголовного законодательства, а также практика применения норм об ответственности за преступление агрессии.

Предметом диссертационного исследования послужили положения нормативных актов международного, международного уголовного и международного гуманитарного права; положения конституционного, уголовного и иного законодательства Российской Федерации; разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, рассматриваемым в диссертации, материалы международной и российской судебной практики; научная литература по исследуемой проблематике на русском и английском языках.

Целью диссертационного исследования является решение проблемы определения оснований индивидуальной ответственности за преступление агрессии по российскому и международному уголовному праву путем выработки доктринальных позиций относительно определения преступления агрессии в российском и международном уголовном праве и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации и практики его применения.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) изучить этапы разработки дефиниций акта агрессии и преступления агрессии на международном уровне;
- 2) раскрыть объективные и субъективные признаки преступления агрессии на международном уровне;
- 3) изучить практику Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, Международного трибунала по Дальнему Востоку и последующих Нюрнбергских процессов и установить ее значение для понимания

объективных и субъективных признаков преступления агрессии по российскому уголовному законодательству и международному уголовному праву;

4) исследовать современные способы осуществления агрессии и рассмотреть возможность отнесения к преступлению агрессии кибернетической агрессии (киберагрессии);

5) рассмотреть основания привлечения к уголовной ответственности за преступление агрессии руководителей негосударственных вооруженных организованных групп;

6) проанализировать проблемы квалификации планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны по уголовному праву Российской Федерации;

7) на основе проведенного исследования сформулировать доктринальные положения и рекомендации, направленные на совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации и практики его применения.

Методологическую основу диссертационного исследования составили такие общенаучные методы, как:

- *исторический* метод применялся для анализа эволюции доктринальных подходов к понятию «агрессивной войны», «акта агрессии» и «преступления агрессии», позиций Международного военного трибунала по вопросу содержания признаков состава преступления против мира;

- *метод обобщения* – относительно позиций зарубежных правоведов по вопросу элементов и признаков преступления агрессии на национальном и международном уровне;

- *системный метод* использовался при изучении системы источников российского уголовного и международного уголовного права, рассмотрении взаимосвязи элементов преступления агрессии на российском и международном уровне, а также для анализа соотношения составов преступления агрессии для целей международного уголовного права и

преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и разрешения конкуренции состава, предусмотренного в ст. 353 УК РФ, с смежными составами.

Кроме того, в работе использованы частные методы научного познания.

Так, *сравнительно-правовой* метод был использован при исследовании отличий российского законодательства и норм международного и международного уголовного права в части толкования понятия преступления агрессии, а также оснований уголовной ответственности за него. Также в рамках сравнительно-правового метода были использованы труды иностранных ученых, переведенных автором с английского языка.

Формально-юридический метод выразился в толковании источников международного и международного уголовного права, касающихся отдельных вопросов применения силы, признаков понятия «агрессии», а также российского права в части понятия преступления планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и оснований уголовной ответственности за них. Применение формально-юридического метода позволило определить юридическое понятие акта агрессии и выявить его характерные признаки для целей российского и международного права, классифицировать преступления против мира и безопасности по российскому уголовному законодательству, а также разработать новую норму об ответственности за преступление агрессии для целей российского уголовного права.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды российских правоведов по уголовному праву, среди которых: Е.В. Благов, Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, И.Э. Звечаровский, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.М. Лебедев, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и другие.

Помимо этого, были изучены научные работы российских правоведов-международников: И.П. Блищенко, С.В. Глотовой, В.В. Грохотовой, А.Ю. Скуратовой, Л.Н. Тарасовой, Е.Н. Трикоз, И.В. Фисенко и других.

Теоретическая основа исследования включает также труды таких зарубежных правоведов, как: Э. Ваттель, Г. Верле, Г. Гроций, Х. Лаутерпахт, М. Кламберг, М. МакДугал, И. Марчук, Л. Оппенгейм, К. Райт, М. Рейзман, Б. Ференц, В. Шабас, М. Шарф и других авторов.

Нормативную базу исследования составил комплекс источников международного и российского права.

В качестве международно-правовых источников выступают различные международные соглашения, в том числе Устав ООН 1945 г., резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН за период с 1967 по 1990 гг., касающиеся применения силы, Римский статут, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 8 июня 1977 г., уставы Международного трибунала по Руанде, Международного трибунала по Югославии и Специального суда по Сьерра-Леоне.

Нормативной базой исследования охватываются также исторические памятники международного права, в частности, Устав Лиги наций 1920 г., Проект Договора о взаимной помощи 1923 г., Пакт Бриана-Келлога (Парижский пакт) 1928 г., уставы Международного военного трибунала 1945 г. и Международного трибунала по Дальнему Востоку 1946 г.

В области российского права нормативной основой выступают Конституция Российской Федерации 1993 г. с изменениями и дополнениями, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., Закон Российской Федерации «О безопасности» 1992 г., Федеральный конституционный закон «О военном положении» 2002 г., Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г., Федеральный закон «О безопасности» 2010 г., Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации 25 декабря 2014 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г., Концепция внешней политики, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 31 марта 20233 г. и другие нормативные акты,

перечень которых приведен в библиографическом списке к настоящей диссертации.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

- решения Международного военного трибунала (1945 г.) и Международного трибунала по Дальнему Востоку в отношении главных военных преступников (1948 г.), приговоры последующих Нюрнбергских процессов, вынесенные в период с 1945-1946 гг., в частности, по делам против: Промышленников («И.Г. Фарбен» и «АГ Крупп»), Верховного военного командования (В. фон Лееб, Г. фон Кюхлер, Г. Гот, Г. Рейнеке и др.) и руководителей министерств Германии (Э. Фон Вайцзеккер, К. Вильгельм, Г. Ламмерс, П. Кёрнер и др.);

- решения Международного суда ООН, который рассматривал отдельные вопросы применения силы в Консультативном заключении о законности угрозы ядерным оружием или его применения (1996 г.), в делах Никарагуа против США (1986 г.), Иран против США (2003 г.), Конго против Уганды (2005 г.) и др.;

- решения Международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде и Специального суда по Сьерра-Леоне по вопросу контроля как одного из основных критериев «лидерского стандарта» преступления агрессии, исследованного в рамках дел: Д. Тадича (1999 г.), Т. Блашкича (2000 г.), З. Алексовски (2000 г.) З. Делалича и З. Мучича (2001 г.), М. Штакича (2003 г.), Д. Кордича и М. Черкеза (2008 г.), К. Кайишемы (1999 г.), А. Мусемы (2000 г.), Л. Семанзы (2003 г.), Ж. Каджелиджели (2005 г.) и А. Бримы (2007 г.);

- решения Международного уголовного суда и решения по вопросу субъективной стороны в делах: Т. Лубанги (2007 г.), Ж. Катанги (2008 г.) и Ж.-П. Бембы (2009 г.);

- материалы подготовительных работ по определению преступления агрессии и документы, принятые по итогам Принстонских встреч (с 2004 г. по 2009 г.), проводившихся для разработки дефиниции преступления агрессии

для целей международного уголовного права; проекты дефиниции преступления агрессии, предложенные принимавшими участие в разработке определения агрессии делегациями различных государств, а равно результаты отдельных эмпирических исследований, проведенных другими авторами;

- материалы изучения в 2021-2023 годах судебной практики Российской Федерации по ст. 354¹ и 205² Уголовного кодекса РФ с 2017 г. по 2021 г. Всего изучено 20 решений, вынесенных судами Архангельской области, Омской области, Самарской области, Волгоградской области, Воронежской области, Ульяновской области, Республики Марий Эл, Республики Крым и Республики Калмыкия.

Научная новизна диссертации заключается в комплексе полученных автором новых знаний об основаниях индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии. Научной новизной также обладают знания об объективных и субъективных признаках преступления агрессии с учетом нового определения данного преступления в международном уголовном праве. В диссертационном исследовании разработаны проблемы, связанные с применением таких новых форм агрессии, как кибернетическая атака, и предложены решения, которые в представленном виде не содержатся в других монографических исследованиях, осуществленных к настоящему времени в российской науке уголовного права; содержатся новые данные о законодательных и правоприменительных проблемах уголовной ответственности за отдельные преступления против мира и безопасности человечества по российскому уголовному праву и сформулированы авторские предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В международном уголовном праве отсутствует категория «оснований индивидуальной уголовной ответственности», в связи с тем, что учение о преступлении сформулировано на основе англо-саксонской модели права. Под основанием индивидуальной уголовной ответственности для целей

теории международного уголовного права предлагается понимать исполнение, подстрекательство, побуждение или иным образом виновное участие лица в совершении любого международного преступления, в том числе и преступления агрессии.

2. Структура международных преступлений, включая преступление агрессии, отличается от структуры состава преступления по российскому законодательству и включают только два элемента – материальный и ментальный. Содержание элементов международного преступления отличается от аналогичных элементов состава преступления (объективной и субъективной стороны). Контекстные обстоятельства международных преступлений, в том числе преступления агрессии, входят в материальный элемент международного преступления.

3. Индивидуальная уголовная ответственность за преступление агрессии возможна только при установлении факта совершения государством акта агрессии, достигающего порогового уровня. Вместе с тем акты агрессии могут совершаться не только государствами, но и негосударственными вооруженными организованными группами, которые по своим характеристикам приближены к государственным либо осуществляют публичную власть в отношении населения контролируемой ими территории государства.

4. Агрессия может совершаться не только посредством традиционного применения вооруженной силы, но и посредством кибератак. Поэтому к актам агрессии следует также отнести киберагрессию: «киберагрессия, выраженная в совершении государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени кибернетических атак, равносильная перечисленным актам, или значительное участие в них». Под кибернетическими атаками необходимо понимать неправомерное вмешательство в компьютерные системы или информационно-телекоммуникационные сети для изменения, удаления, модификации или

иногo воздействия на содержащуюся в них компьютерную информацию, направленное против безопасности государства.

5. Совершенные акты агрессии должны соответствовать пороговому требованию, т.е. достигать в силу серьезности, характера и масштаба уровня грубого нарушения Устава ООН. Содержание критериев порогового требования нормативно не установлено. Предлагается масштабным признавать такой акт агрессии, который охватывает значительную географическую территорию одного государства или небольшие участки территорий, но относящиеся к нескольким государствам. Вооруженное нападение на незначительную по площади территорию одного государства может признаваться масштабным при условии, что акт агрессии является интенсивным. Критерий серьезности, свидетельствующий о тяжести причиненных последствий, будет иметь место в случаях, когда акт агрессии привел к многочисленным жертвам, значительным разрушениям или массовой миграции населения государства в соседние страны. Критерий характера, который должен ограничить случаи применения силы до явных и очевидных, должен быть исключен, поскольку общий порог тяжести для всех международных преступлений уже выполняет данную задачу. При этом для признания наличия грубого нарушения требуется установить оба критерия – масштаб и серьезность.

6. К планированию акта агрессии относят встречи, совещания и иные действия по разработке любых планов, стратегий или тактик, направленные на осуществление акта агрессии. Действия, которые выполняются вслед за планированием акта агрессии и направлены на реализацию разработанных планов, являются подготовкой акта агрессии. Иницированием признается начало совершения любого акта агрессии, включенного в перечень актов агрессии. За иницированием акта агрессии следует его осуществление, т.е. принятие стратегических решений и любых действий, направленных на продолжение инициированного акта агрессии.

7. Особая правовая природа преступления агрессии предопределяет ограниченный круг субъектов, способных его совершить. Субъект должен отвечать лидерскому требованию, т.е. быть лицом, которое в состоянии осуществлять руководство или эффективный контроль над политическими или военными действиями государства. Однако содержание терминов «контроль» и «руководство» нормативно не определено. Поэтому под контролем предлагается понимать общее управление военными или политическими действиями государства. При этом в отсутствие такого контроля совершение акта агрессии было бы невозможно, а лицо, обладающее контролем, может использовать методы принуждения и наказания. Руководство должно охватывать деятельность по непосредственному направлению политических или военных действий, а также их обеспечение и корректирование.

8. Закрепление ответственности за преступление агрессии в уголовном законодательстве Российской Федерации нуждается в корректировке в соответствии с положениями международно-правовых актов и российской уголовно-правовой доктрины. Для этого необходимо в норме, предусматривающей уголовную ответственность за преступление агрессии:

- 8.1 заменить термин «агрессивная война» на термин «акт агрессии»;
- 8.2 усовершенствовать определение акта агрессии для целей российского уголовного права;
- 8.3 включить негосударственные вооруженные организованные группы в круг субъектов акта агрессии;
- 8.4 расширить перечень актов агрессии посредством включения новой формы агрессии – киберагрессии;
- 8.5 заменить термины «планирование, подготовка, развязывание или ведение» на «планирование, подготовка, инициирование или осуществление»;
- 8.6 предусмотреть специальный субъект преступления агрессии.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном и всестороннем изучении и анализе оснований уголовной ответственности за совершение преступления агрессии, а также преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны в российском уголовном праве.

К теоретической значимости диссертации относятся предложения о разграничении структуры состава преступления в российском уголовном праве и элементов международного преступления, разработка доктринального понимания основания уголовной ответственности в международном уголовном праве, действий материального элемента преступления агрессии, а также критериев порогового требования.

Вкладом в теорию российского уголовного права также представляется возможным признать установление содержания терминов «агрессия» и «агрессивная война» и их различий, содержания действий объективной стороны состава планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны, а также понятий негосударственных вооруженных организованных групп и киберагрессии.

Сформулированные рекомендации будут способствовать развитию теории российского уголовного права и международного уголовного права и могут быть учтены при проведении дальнейших исследований проблем уголовной ответственности за преступление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны и преступление агрессии.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что автором внесены конкретные предложения по устранению пробелов уголовного законодательства о преступлении, предусмотренном в ст. 353 УК РФ. Разработанные рекомендации могут быть использованы в российской законотворческой деятельности. К таким рекомендациям можно отнести формулировку новой диспозиции ст. 353 УК РФ, с учетом достижений теории международного уголовного права, а именно: предложения по закреплению специального субъекта в ст. 353 УК РФ,

расширению перечня субъектов и перечня актов агрессии, содержанию критериев субъекта преступления агрессии.

Положения диссертационного исследования могут применяться в процессе проведения учебных занятий в образовательных организациях высшего профессионального образования по уголовному праву России и международному уголовному праву.

Достоверность диссертационного исследования обеспечена корректной постановкой целей и задач исследования, которые обусловили выбор и применение методов научного познания; определена изучением специальных зарубежных и отечественных доктринальных источников; обеспечена критическим сопоставлением результатов настоящего исследования с положениями других специальных и смежных научных исследований; научно-теоретическим аргументированием, основанным на изучении широкого круга литературных источников, нормативных актов и собранной эмпирической базой. Также достоверность результатов исследования обеспечена апробацией полученных выводов на конференциях и в учебном процессе.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в пяти научных статьях автора, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях из перечня, рекомендованного Министерством образования и науки Российской Федерации, список которых утвержден решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в трех статьях в сборниках научно-практических конференций.

Апробация результатов исследования проводилась также путем выступления автора с докладами по теме исследования на Всероссийском уголовно-правовом форуме молодых ученых имени М.Н. Гернета (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 16 декабря 2021 г.), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Нюрнбергский процесс: преступления и правосудие» (Москва, МГЮУ(А) имени О.Е.

Кутафина 2021 г.) на конференции «Международная агора: свежий взгляд на международное и зарубежное уголовное право (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020 г.), на Кузнецовских чтениях (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022 г.).

Апробация была проведена во время проведения занятий по курсу «Международное уголовное право» со студентами магистратуры Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в весеннем семестре 2022 учебного года.

Основные положения и выводы диссертационной работы нашли отражение в подготовленной диссертантом научно-квалификационной работе («Преступление агрессии по международному и национальному уголовному праву: основания и пределы индивидуальной ответственности»), представленной в 2022 году на защиту и получившей высокую положительную оценку экзаменационной комиссии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения диссертации докладывались в 2022 и 2024 годах на заседании кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где получили одобрение.

Структура диссертации соответствует предмету, цели и задачам исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** описаны актуальность темы исследования, степень ее разработанности, цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, методология и методы исследования, положения, выносимые на защиту, а также степень достоверности, апробация результатов и структура диссертационного исследования.

Первая глава «Установление основания индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии по международному уголовному праву» посвящена категории оснований индивидуальной уголовной ответственности в международном уголовном праве, процессу становления международного запрета на применение силы, а также анализу элементов преступления агрессии.

В первом параграфе первой главы «Разработка понятия преступления агрессии в международном и международном уголовном праве» рассматриваются этапы становления запрета на применение силы в международном праве и дальнейшая криминализация обращения к силе как средству национальной политики при решении возникающих межгосударственных проблем. Для этого автор проанализировал и систематизировал исторические международные нормативно-правовые акты, а также практику международных трибуналов и последующих судебных процессов, проведенных по итогам Второй мировой войны.

Автор приходит к выводу о том, что в международном праве первоначальные попытки установить запрет на применение государствами силы, были заложены еще в 1919 г. с принятием Устава Лиги наций. Однако вплоть до Устава Организации Объединенных Наций 1945 г. отсутствовал безусловный и четко сформулированный запрет на применение силы в международном праве.

При этом в международном уголовном праве отголоском преступления агрессии стал состав преступления против мира, впервые предусмотренный в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных

военных преступников европейских стран оси по итогам Второй мировой войны 1945 г.

В втором параграфе первой главы «Общие вопросы индивидуальной уголовной ответственности» автором исследованы вопросы понятия основания уголовной ответственности в российском уголовном законе, содержания категории «основания индивидуальной уголовной ответственности» в международном уголовном праве, структуры международного преступления и ее соотношения с структурой состава преступления по российскому уголовному праву, а также представлена общая характеристика элементов международного преступления и особенности структуры преступления агрессии. В результате автор приходит к выводу об отсутствии целесообразности закрепления категории «оснований индивидуальной уголовной ответственности» в Римском статуте – международном договоре, консолидировавшем положения международного уголовного права. Вместе с тем, автор предлагает свое понимание содержания данной категории для целей науки международного уголовного права.

Также автор обосновывает недопустимость толкования структурных элементов международного преступления в свете конструкций российского уголовного права.

Применительно к преступлению агрессии, автор выделяет ряд особенностей, в частности: особую двойственную природу преступления агрессии, заключающуюся в зависимости факта уголовного преследования субъекта преступления агрессии от совершенного государством акта агрессии; отсутствие сформулированного контекстуального элемента преступления агрессии; особенности субъекта преступления агрессии, позволяющие охарактеризовать его, как «преступление руководства».

В третьем параграфе первой главы «Материальный элемент преступления агрессии» автором исследован ряд проблемных аспектов материального элемента преступления агрессии, среди которых: 1) понимание акта агрессии и его соотношение с другими терминами, которые предлагались

для закрепления в процессе разработки дефиниции преступления агрессии («агрессивная война», «вооруженное нападение», «применение силы» или их сочетание); 2) круг субъектов, способных совершить акт агрессии; 3) перечень актов агрессии; 4) содержание характера, серьезности и масштаба акта агрессии, наличие которых позволяет установить грубое нарушение Устава ООН (критерии порогового требования); 5) покушение на акт агрессии; 6) содержание контекстуального элемента преступления; 7) содержание действий материального элемента преступления агрессии; 8) покушение на преступление агрессии.

По итогам рассмотрения данных вопросов, автор приходит к следующим выводам. Термины «акт агрессии» и «агрессия» являются синонимами и могут использоваться как взаимозаменяемые, при этом они охватывают более широкий круг противоправных действий государства, в отличие от терминов «агрессивная война» и «вооруженное нападение».

Круг субъектов акта агрессии должен быть расширен и включать не только государства с признанной государственностью, но и непризнанные государства и негосударственные вооруженные организованные группы, приближенные по своим характеристикам к государствам.

На основе анализа международно-правовых документов и российской и международной уголовно-правовой доктрины, автор указывает на неактуальность закрепленного перечня актов агрессии и обосновывает необходимость включения такой формы агрессии, как киберагрессия.

Содержание критериев порогового требования не установлено, а обращение к критерию характера акта агрессии является нецелесообразным в связи с тем, что данный критерий не выполняет возложенные на него цели (исключение таких актов агрессии государства, которые подпадают под серую правовую зону, и незначительных пограничных стычек). Поэтому автор предлагает масштабным признавать 1) акт агрессии, который охватывает значительную по площади территории одного государства или небольшие участки территорий, но нескольких государств; 2) акт агрессии, который

охватывает незначительную географическую площадь территории одного государства и сопровождается интенсивными действиями (как, например, массированные обстрелы, или действия, которые будут длительными по времени). Серьезным будет акт агрессии, который привел к многочисленным жертвам, значительным разрушениям, а также, например, к массовой миграции населения государства в соседние страны. Критерий характера следует исключить. При этом для установления уровня грубого нарушения Устава ООН требуется установить оба критерия – серьезность и масштаб.

В связи с тем, что акт агрессии должен быть совершен государством для уголовного преследования за преступление агрессии, автор обосновывает правильность недопустимости покушения на акт агрессии. Напротив, вопрос покушения на преступление агрессии регулируется на основе общих правил о неоконченных преступлениях в международном уголовном праве.

Автор, изучив судебную практику Международного военного трибунала, последующих Нюрнбергских процессов и Международного трибунала по Дальнему Востоку, приходит к выводу, что действия материального элемента можно толковать в свете практики международных трибуналов.

В четвертом параграфе первой главы «Ментальный элемент преступления агрессии» автор рассматривает вопрос вины, а также целесообразность установления специального умысла.

Автор приходит к выводу о том, что к преступлению агрессии применяются общие правила о ментальном элементе, и субъект преступления намеренно выполняет планирование, подготовку, инициирование или осуществление акта агрессии, совершаемого государством. При этом субъект также должен осознавать, что он является лицом, в состоянии эффективно контролировать или руководить политическими или военными действиями государства, а также осознавать фактические обстоятельства, свидетельствующие о несовместимости применения вооруженной силы с

Уставом ООН и фактических обстоятельства, указывающие на грубое нарушение Устава ООН.

Несмотря на то, что в процессе разработки преступления агрессии выдвигались предложения о включении специальной цели в определение преступления, автор придерживается противоположной позиции и считает, что повышение стандарта знания через цель или мотив представляется необоснованным.

В пятом параграфе первой главы «Субъект преступления агрессии» автор анализирует требования к исполнителю преступления агрессии, круг соучастников и основания для освобождения от уголовной ответственности.

Автор приходит к выводу, что преступление агрессии является единственным международным преступлением с специальным субъектом, т.е. преступление агрессии может быть совершено только лицом, в состоянии эффективно контролировать или руководить политическими или военными действиями государства. Однако отсутствие нормативно установленного содержания критериев субъекта – «эффективный контроль» и «руководство», «в состоянии» - усложняют установление круга исполнителей преступления агрессии. Автор обоснованно приходит к выводу о том, что такие требования к субъекту преступления агрессии, как «руководство» и «быть в состоянии», позволяют расширительно толковать норму о преступлении агрессии и включать, тем самым, в круг субъектов не только политических или военных лидеров, но и экономических или религиозных лидеров. Это обусловлено тем, что определяющим критерием должна выступать не должность лица, а наличие у него контроля или руководства над государственными или военными действиями государства.

Круг соучастников преступления агрессии ограничен требованием о том, что все соучастники также должны соответствовать требованию руководства. Автор находит допустимым применение данного правила, но только при широком толковании исполнителя преступления агрессии.

Несмотря на то, что общие положения об основаниях для освобождения от уголовной ответственности также применяются к преступлению агрессии, такое основание как совершение преступления по приказу неприменимо, вследствие особой правовой природы преступления агрессии.

Вторая глава «Основание уголовной ответственности за преступление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны по российскому уголовному законодательству» посвящена анализу состава преступления, предусмотренного в ст. 353 УК РФ и вопросам квалификации с смежными составами.

В первом параграфе второй главы «Понятие и классификация преступлений против мира и безопасности человечества» исследуется терминологический аппарат (в частности, понимание «мира» и «безопасности человечества», преступлений против мира и безопасности) и различные классификации составов, расположенных в главе 34 УК РФ.

Автор анализирует исторические и действующие правовые источники, а также российскую правовую доктрину и предлагает свое понимание терминов «мир» и «безопасность» для целей российской уголовно-правовой доктрины. Так, под «миром» следует понимать состояние отсутствия военных действий между государствами (двумя или несколькими) или между вооруженными организованными негосударственными группами и государствами. Что касается понятия «безопасности человечества», то это состояние защищенности личности в отдельности и человечества в целом, обеспечиваемое государствами в отдельности, а также региональными и международными организациями. Вследствие этого, преступления против мира и безопасности человечества – это общественно опасные деяния, посягающие на мир и мирное сосуществование государств, а также на безопасные условия существования отдельного человека и человечества в целом.

Автор также консолидировал имеющиеся доктринальные позиции относительно классификации преступлений главы 34 УК РФ и пришел к

выводу, что верным представляется классифицировать преступления на 3 большие группы, а именно: 1) преступления против мира и мирного сосуществования государства (ст. 353, ст. 354, ст. 355 УК РФ); 2) преступления против правил и обычаев ведения войны (ст. 356, ст. 359 УК РФ), 3) преступления против безопасности человечества (ст. 357, ст. 358, ст. 360 и ст. 361 УК РФ).

Во втором параграфе второй главы «Основание индивидуальной ответственности за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны» автор анализирует состав преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны и поднимает ряд проблемных вопросов. В частности:

1. Устаревшая терминология.

Автор справедливо отмечает нецелесообразность сохранения в ст. 353 УК РФ терминологии, использованной в Уставе МВТ при описании преступления против мира, а именно, такие термины, как «агрессивная война», «развязывание» и «ведение». Более того, в связи с отсутствием нормативного определения понятия «агрессивная война», в правовой доктрине его толкование осуществляется именно через термин «акт агрессии» (или «агрессия»). Однако, хотя ряд правоведов и прослеживает схожесть или даже тождественность терминов «агрессия» или «агрессивная война», автор придерживается противоположной позиции, разграничивая эти понятия. Позиция автора основана, помимо уголовно-правовой доктрины, также на решении Международного военного трибунала, который различал агрессивную войну и акт агрессии.

Замена термина «агрессивная война» также должна сопровождаться изменением терминов «развязывание» и «ведение» на «инициирование» и «осуществление».

2. Размещение действий объективной стороны в различных частях ст. 353 УК РФ.

Представляется неверным разделять действия по подготовке, планированию или развязыванию агрессивной войны с ее ведением, поскольку все эти действия являются одинаково общественно опасными.

3. Отсутствие в ст. 353 УК РФ указания на специальный субъект преступления.

В связи с отсутствием в ст. 353 УК РФ указания на субъект, ряд отечественных правоведов считают, что субъект преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны общий.

Однако по итогам исследования, автор приходит к выводу о том, что только лицо, фактически осуществляющее контроль или руководство над политическими или военными действиями государства, может быть субъектом преступления, предусмотренного в ст. 353 УК РФ. Требование о специальном субъекте подтверждается исследованной автором практикой Международного военного трибунала.

Под контролем предлагается понимать общее управление, выражающееся, например, в постановке целей. Лицо, осуществляющее такой контроль, может использовать методы принуждения и наказания, а в иерархии уровня принятия политических решений контролирующее лицо стоит выше, нежели лицо, осуществляющее руководство. Руководство, по мнению автора, является непосредственное направление деятельности и ее обеспечение на каждом этапе, ее корректирование непосредственно в процессе осуществления.

Кроме того, автор, с учетом достижений науки международного уголовного права, сравнивает положения о круге соучастников и приходит к выводу о том, что российскому уголовному праву чужда конструкция ограничения круга соучастников для конкретного состава преступления. Вместе с тем, поскольку может возникнуть проблема чрезмерного расширения круга возможных соучастников преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны, для ее решения автор предлагает правильно понимать содержание действий объективной стороны и

требования субъективной стороны состава ст. 353 УК РФ. Необходимо понимать, что планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны включает в себя только такие действия, которые осуществляются руководящими лицами государства, и приводят к совершению акта агрессии.

4. Содержание субъективной стороны преступления.

Автор, в результате анализа практики Международного военного трибунала и изучения отечественной доктрины, делает вывод о том, что предусмотренное ст. 353 УК РФ преступление может быть совершено только с прямым умыслом, т.е. виновный осознает общественную опасность своих действий, направленных на осуществление акта агрессии и желает их совершения. Важной для субъективной стороны преступления агрессивной войны является также конструкция «заговора», которая была разработана советскими юристами и воплощена в практике Международного военного трибунала.

5. Разграничение с смежными составами.

На практике возможны проблемы при разграничении состава ст. 353 УК РФ, с такими составами, как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ); геноцид (ст. 357 УК РФ); экоцид (ст. 358 УК РФ); наемничество (ст. 359 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой либо угроза его совершения (ст. 360 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК РФ).

Для разграничения перечисленных составов с ст. 353 УК РФ автор основывается на принципе, согласно которому, совокупность будет отсутствовать если менее тяжкое преступление является способом совершения более тяжкого преступления. В связи с этим, ст. 353 УК РФ всегда будет квалифицироваться по совокупности с статьями 357 и 358 УК РФ.

В заключении предлагаются пути решения проблем, выявленных в результате исследования, рассматриваются возможные перспективы развития законодательства.

Список источников содержит ссылки на использованные в диссертации международные нормативно-правовые акты, исторические памятники науки, материалы подготовительных работ, монографии, научные статьи, диссертации, учебники, учебные пособия и комментарии.

Приложения к диссертационному исследованию составляют материалы судебной практики, интернет-ресурсы и иные источники (Приложение 1), а также проект ст. 353 УК РФ (Приложение 2).

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ РАБОТЫ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки):

1. Дзейтова Р.Б. Становление и соотношение понятий "войны", "агрессии" и "агрессивной войны" в международном уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 106-110. (0,7 п.л.) (2-летний ИФ РИНЦ – 0,358).

2. Дзейтова Р.Б. Ответственность за киберагрессию по международному уголовному праву: основание и условия наступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 6. С. 89-99. (0,8 п.л.) (2-летний ИФ РИНЦ – 0,358).

3. Дзейтова Р.Б. Определение преступления агрессии в законодательстве России и Германии // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 333-336. (0,7 п.л.) (2-летний ИФ РИНЦ – 0,194).

4. Дзейтова Р.Б. Преступление агрессии и гуманитарная интервенция // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 262-266. (0,8 п.л.) (2-летний ИФ РИНЦ – 0,194).

5. Дзейтова Р.Б. Становление международного запрета пропаганды войны и запрет пропаганды войны в российском праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 3 (63). С. 265-272. (1,2 п.л.) (2-летний ИФ РИНЦ – 0,554).

Dzeitova R.B. Prohibition of war propaganda in international and Russian Law // Penitentiary Science, 2003, vol. 17, no. 3 (63), pp. 265-272.

Публикации в иных научных изданиях:

6. Дзейтова Р.Б. Особенности юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Сборник тезисов научных докладов Всероссийской конференции «Нюрнбергский процесс: преступления и правосудие» (8 ноября 2021 г.). М., 2021. С. 22-23. (0,3 п.л.)

7. Дзейтова Р.Б. Artificial intelligence – for war or peace? // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2022 г.). М., 2022. С. 513-515. (0,3 п.л.)

8. Дзейтова Р.Б. Особые полномочия Совета Безопасности ООН в отношении преступления агрессии // Материалы Всероссийского уголовно-правового форум молодых ученых имени М.Н. Гернета: Сборник научных статей. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Малешина, М.А. Филатова. М., 2022. С. 15-23. (0,8 п.л.)